

ЭЛЬДАР ГУМАЛАТОВ

УЗЕЛ ДЕРБЕНТА

ИНОГДА, ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ СИСТЕМУ,
НУЖНО СТАТЬ ЕЁ ЧАСТЬЮ

ПРОЕКТ «
УРОВЕНЬ ДОСТУПА: 7
ДОСТУП ОГРАНИЧЕН

ДЕЛО № [REDACTED]

СЕКРЕТНО

ПРОЕКТ

ДЕТЕКТИВНЫЙ ТРИЛЛЕР

О ВЫБОРЕ, КОНТРОЛЕ И ЦЕНЕ ПРАВДЫ

Эльдар Гумалатов

Узел Дербента

«Автор»

2026

Гумалатов Э.

Узел Дербента / Э. Гумалатов — «Автор», 2026

Низами возвращается в родной город всего на несколько дней — к морю, к прошлому, к спокойствию, которого давно не было. Но вместо отдыха он сталкивается с тревожной реальностью: люди исчезают, разговоры обрываются на полуслове, а знакомые избегают прямых ответов. Пытаясь разобраться, он находит след, оставленный его отцом, пропавшим много лет назад. Этот след ведёт туда, где нет официальных структур, но есть правила, которые никто не нарушает. Где исчезновения — не случайность, а часть системы. Чем глубже Низами погружается в происходящее, тем яснее становится: выхода из этой игры нет. Есть только выбор — остаться в стороне или стать частью механизма, который управляет чужими судьбами. Иногда, чтобы изменить систему, нужно заплатить собой.

© Гумалатов Э., 2026

© Автор, 2026

Эльдар Гумалатов

Узел Дербента

Глава 1 «ЖАРА НАД СТЕНАМИ».

Дербент встречал Низами запахом моря, горячего камня и спелых абрикосов. Воздух был густым, будто тёплый мёд, и солнце, казалось, лежало прямо на плечах, заставляя идти медленнее, чем хотелось. Он стоял у стены старого дома на улице Мамедбекова и смотрел вверх — туда, где над городом, словно вечный страж, возвышалась крепость Нарын-Кала. Камень её стен был выжжен веками, но не потерял силы: от него исходило ощущение спокойной, неизблемой мощи. Такой же, какой Низами всегда искал в людях.

— Ну что, юрист, — усмехнулась Зарина, поправляя платок и переводя взгляд с крепости на него, — впечатляет?

— Как будто не город, а живое существо, — ответил он. — Дышит историей.

Зарина была экскурсоводом и другом семьи. Когда Низами сообщил, что собирается приехать в Дербент с женой и сыном, именно она первой предложила показать город «не туристический, а настоящий».

Сейчас жены и сына рядом не было: они остались в гостевом доме, спасаясь от жары, а он, воспользовавшись утренней прохладой, отправился на прогулку.

— Настоящий Дербент, — сказала Зарина, — не в музеях. Он в людях, в дворах, в тенях между домами.

Низами кивнул. В Ярославле, откуда он приехал, всё было иначе: ровные улицы, знакомые маршруты, понятные правила. Здесь же каждый поворот казался отдельной историей.

Они шли узкими улочками старого города. Каменные стены, облупленные двери, резные балконы — всё выглядело так, будто время здесь остановилось, но при этом продолжало идти — внутри людей.

— Ты давно не был в Дербенте, — сказала Зарина.

— С детства, — ответил он. — Тогда всё казалось большим. Сейчас... просто другим.

Он не сказал вслух, что приехал сюда не только ради отдыха. После сложного дела в Ярославле, где на кону стояли судьбы сразу нескольких людей, ему нужна была пауза. Тишина. Время без звонков, без протоколов, без чужих трагедий.

Но тишина, как оказалось, в Дербенте была особенной: она не была пустой.

Они остановились у небольшого чайного дома, спрятанного в тени инжира. Старик за стойкой молча кивнул и подал два стакана чая — крепкого, тёмного, с ароматом горных трав.

— Здесь всегда так? — спросил Низами, делая глоток.

— Здесь всегда по-настоящему, — ответила Зарина. — Даже если кажется, что всё спокойно.

Он улыбнулся. Слова показались ему странно двусмысленными, но он списал это на усталость от дороги.

Вечером город менялся. Солнце уходило за горизонт, оставляя после себя розово-золотые полосы над Каспием. Камень стен остывал, и воздух становился мягче. Улицы наполнялись голосами, смехом, шагами. Летний Дербент оживал, словно дневная жара была лишь паузой перед настоящей жизнью.

Низами вышел один. Семья осталась отдыхать, а ему захотелось пройтись — без маршрута, без цели, просто позволив городу вести себя.

Он шёл вдоль старой стены, затем свернул в узкий переулок, где фонари давали слабый, янтарный свет. В таких местах всегда было ощущение, будто кто-то наблюдает — не из-за страха, а из-за самой плотности пространства, где каждый звук отражался от камня.

Он слышал шаги.

Сначала — далёкие. Потом — ближе. Не спеша. Не громко. Но слишком ровно, чтобы быть случайными.

Низами обернулся. Переулок был пуст. Только кошка, перебежавшая дорогу, и тень от фонаря, дрожащая на стене.

Он продолжил идти.

Через несколько минут он заметил движение впереди — две фигуры. Мужская и... ещё одна, трудно различимая в полумраке. Они стояли у старой арки, почти в самом конце переулочка.

Низами замедлил шаг. Не из страха — из любопытства.

Один из мужчин говорил тихо, но напряжённо. Второй отвечал коротко, резкими фразами. Слова не доходили, но тон был очевиден: это был не дружеский разговор.

— Я сказал, ты не должен был возвращаться, — услышал он.

— Ты не решаешь, — ответил второй голос.

Наступила пауза.

А потом — резкое движение. Один из мужчин отступил, словно от толчка, потерял равновесие и... исчез.

Не упал.

Не убежал.

Не закричал.

Он просто исчез в темноте за аркой.

Низами остановился. Сердце пропустило удар. Всё произошло слишком быстро и слишком тихо.

Оставшийся мужчина стоял несколько секунд, тяжело дыша. Затем посмотрел по сторонам. Его взгляд скользнул по стенам, по тени фонаря... и на мгновение встретился с глазами Низами.

Этот взгляд был странным.

Не испуганным.

Не злым.

А... пустым.

Мужчина резко развернулся и ушёл в противоположную сторону, растворившись в лабиринте улиц. Низами остался стоять. Он медленно подошёл к арке. Заглянул туда, где исчез человек.

Там была лестница — узкая, крутая, уходящая вниз. Камень был влажным. Запах — холодный, с примесью сырости и старого металла.

— Эй! — позвал он.

Ответа не было.

Он сделал несколько шагов вниз. Тишина была глухой, плотной, словно пространство поглощало звук.

Ни шагов. Ни дыхания. Ни тела.

Только тьма.

Низами вернулся вверх. Сердце билось быстрее, чем он ожидал. Разум уже начал искать рациональные объяснения: человек мог уйти другой дорогой, мог спуститься и выйти через другой выход, мог...

Но внутри что-то не совпадало.

Он достал телефон и включил фонарик. Посветил на стены, на пол. Ни следов борьбы. Ни крови. Ни вещей.

Но он точно видел, как человек исчез.

Не ушёл.

Не убежал.

Исчез.

На следующий день он рассказал об этом Зарине. Они сидели в тени абрикосового дерева во дворе её дома. Чай снова был крепким, а воздух — тяжёлым от жары.

— Ты уверен, что не показалось? — спросила она осторожно.

— Уверен, — ответил Низами. — Это было слишком... конкретно.

Она задумалась. В её лице мелькнуло что-то, похожее на тень, но она быстро скрыла это за спокойствием.

— В Дербенте много старых подземных ходов, — сказала она. — Лестницы, тоннели, выходы в неожиданных местах. Человек мог просто уйти.

— А тот второй? — спросил он. — Его взгляд. Он был... ненормальный.

Зарина не сразу ответила.

— Ты не первый, кто говорит о странных вещах этим летом, — наконец сказала она.

Низами напрягся.

— Что ты имеешь в виду?

Она отвела взгляд.

— Были исчезновения. Неофициальные. Полиция говорит — несчастные случаи, отъезды, семейные конфликты. Но... — она замолчала.

— Но? — мягко подтолкнул он.

— Но люди не просто исчезают, — сказала она. — Особенно здесь.

Низами почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Он не знал, что именно, но ощущение было чётким: его отпуск уже закончился. Даже если он этого ещё не осознавал.

Поздно вечером он снова вышел. На этот раз — не случайно. Он хотел вернуться в тот переулок. Он не сказал семье, куда идёт. Не хотел пугать. Не хотел выглядеть странно. Сам не до конца понимал, зачем идёт, — кроме одного: внутри него что-то требовало ответа.

Переулок был таким же. Фонари. Камень. Тени. Он дошёл до арки. Остановился. Посветил фонариком вниз по лестнице. Там было пусто. Он спустился на несколько ступенек. Воздух

стал холоднее. Запах — резче. И вдруг он увидел это. На камне, в самом низу, там, где начиналась тьма, что-то блеснуло. Он спустился ещё на шаг. Это был перстень. Мужской. С массивным камнем тёмно-зелёного цвета. Низами поднял его. Он был тёплым — как будто недавно находился на чьей-то руке. На внутренней стороне была гравировка. Он осветил фонариком и прочитал: «R». Всего одна буква. Но она почему-то показалась ему тяжелее, чем любой документ, который он когда-либо держал в руках.

Он стоял в тени древних стен Дербента, с чужим кольцом в руке, и внезапно понял: он больше не турист.

Он — свидетель.

И это только начало.

Глава 2 «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСЁ ЗНАЛ».

Утром Дербент выглядел так, будто ничего не произошло. Солнце снова заливало улицы, торговцы раскладывали фрукты, в воздухе пахло свежим хлебом и морем. Город жил своей жизнью — спокойной, уверенной, почти безмятежной. Но для Низами эта безмятежность теперь казалась декорацией.

Перстень лежал у него в кармане. Он не решился показать его семье — не хотел, чтобы отдых превратился в тревогу. Но и выбросить не смог. Внутри что-то сопротивлялось, словно этот маленький предмет был ключом к чему-то большему.

Он позвонил Рустаму.

— Ты в городе? — спросил он, когда услышал знакомый голос.

— Конечно. Где мне ещё быть, — усмехнулся Рустам. — Приехал — значит, встречаемся. Где ты?

— В старом городе. Есть минут двадцать?

— Для тебя — всегда.

Они встретились в небольшом кафе недалеко от крепости. Рустам сидел за столиком у окна, в светлой рубашке, с телефоном в руке. Он выглядел так же, как и десять лет назад — уверенно, спокойно, с той особой уверенностью людей, которые знают, что мир можно контролировать.

— Низами! — он встал, обнял его. — Я уже думал, ты забудешь старых друзей.

— Таких не забывают, — ответил Низами.

Они сели. Официант принёс кофе.

— Ну, рассказывай, как Москва? — спросил Рустам.

— Ярославль, — поправил Низами.

— Но в остальном — всё то же. Бумаги, суды, чужие судьбы.

— А здесь — отдых, — улыбнулся Рустам. — Ты заслужил.

Низами посмотрел на него внимательнее. Внешне всё было по-прежнему. Но что-то в голосе, в паузах между словами, в том, как Рустам избегал смотреть в глаза, когда речь заходила о городе, — всё это складывалось в неуловимую тревогу.

— Скажи честно, — начал Низами, — в Дербенте сейчас всё спокойно?

Рустам сделал глоток кофе.

— А когда здесь было беспокойно?

— Я не шучу, — сказал Низами. — Я видел кое-что странное прошлой ночью.

Рустам поднял брови.

— В старом городе?

— Да.

Пауза.

— Там всегда что-то странное, — сказал Рустам, но улыбка у него получилась натянутой.

— Человек исчез, — сказал Низами. — На моих глазах.

Рустам замер на секунду. Почти незаметно, но достаточно, чтобы Низами это заметил.

— Ты уверен? — спросил он.

— Абсолютно.

Рустам откинулся на спинку стула, посмотрел в окно, затем снова на Низами.

— Послушай, — сказал он тихо. — В таких местах лучше не вмешиваться. Особенно если ты здесь проездом.

— Ты говоришь, как будто знаешь больше, чем говоришь, — ответил Низами.

Рустам усмехнулся.

— Я просто знаю город. Здесь не всё такое, каким кажется.

— Ты знаешь об исчезновениях? — спросил Низами прямо.

Рустам медлил.

— Слухи, — сказал он. — Люди любят преувеличивать.

— Я не люблю слухи, — сказал Низами. — Я люблю факты.

Он достал перстень и положил его на стол.

Рустам посмотрел на него — и на этот раз не смог скрыть реакции. Его лицо изменилось. Не сильно. Не резко. Но достаточно.

— Откуда у тебя это? — спросил он.

— Я нашёл его там, где исчез человек.

Рустам медленно выдохнул.

— Ты понимаешь, что это может быть опасно?

— Опасно — игнорировать, — ответил Низами. — Что это за кольцо?

Рустам взял его в руки, повертел, затем вернул обратно.

— Оно не местное, — сказал он. — И не дешёвое.

— Это я уже понял, — сказал Низами. — Но чьё оно?

Рустам посмотрел на него внимательно.

— Ты действительно хочешь знать?

— Если бы не хотел, я бы не показывал тебе это, — ответил Низами.

Рустам помолчал.

— Есть люди, — сказал он, — которые не любят, когда их вещи находят в неожиданных местах.

— Это не ответ.

— Это предупреждение.

Низами посмотрел на него.

— Ты всегда был честным со мной, — сказал он. — Не начинай сейчас меняться.

Рустам отвёл взгляд.

— Я не меняюсь, — сказал он. — Я просто знаю, когда лучше остановиться.

В этот же день Низами решил обратиться в полицию. Он не ожидал, что ему сразу пове-
рят. Но он считал своим долгом рассказать о случившемся.

Отдел полиции находился в старом здании, недалеко от центральной улицы. В коридоре
пахло бумагой, пылью и дешёвым кофе. Его принял мужчина лет сорока пяти, с усталым лицом
и внимательным взглядом.

— Старший лейтенант полиции Мурад Алиев, — представился он. — Чем могу помочь?

Низами рассказал всё — от ночной прогулки до перстня. Мурад слушал внимательно,
не перебивая.

— Вы уверены, что человек не ушёл сам? — спросил он, когда Низами закончил.

— Я уверен, что он не мог исчезнуть так быстро без посторонней помощи, — ответил
Низами.

Мурад вздохнул.

— Вы понимаете, что у нас нет заявления о пропаже?

— Пока нет, — сказал Низами. — Но оно будет.

— Или не будет, — сказал Мурад. — В Дербенте люди иногда уезжают без предупре-
ждения. Семейные дела, долги, работа.

— И оставляют свои кольца в подземных ходах? — спросил Низами.

Мурад посмотрел на перстень.

— Интересная вещь, — сказал он. — Но сама по себе она ничего не доказывает.

— Тогда начните проверку, — сказал Низами. — По камерам. По переулку. По подзем-
ным ходам.

Мурад помолчал.

— Вы юрист, — сказал он. — Вы понимаете, что без заявления и без тела мы не можем
открыть дело.

— Я понимаю, — сказал Низами. — Но я также понимаю, что если мы не начнём сейчас,
может быть поздно.

Мурад посмотрел на него внимательно.

— Вы не местный, — сказал он. — Почему вам это так важно?

Низами задумался.

— Потому что я видел это своими глазами, — сказал он. — И потому что, если это случилось однажды, это может случиться снова.

Мурад кивнул.

— Я посмотрю записи с камер в этом районе, — сказал он. — Неофициально.

— Спасибо, — сказал Низами.

— Но советую вам, — добавил Мурад, — держаться подальше от старого города по ночам.

Низами слабо улыбнулся.

— Я уже не уверен, что могу.

Вечером ему позвонила Зарина.

— Ты был в полиции? — спросила она.

— Да.

— Они что-то нашли?

— Пока нет.

Пауза.

— Низами, — сказала она, — ты не должен этим заниматься.

— Почему? — спросил он.

— Потому что это не просто исчезновения, — сказала она. — Это старые дела. Очень старые.

— Какие именно?

— Люди, которые исчезают, — сказала она, — так или иначе связаны друг с другом. Не сейчас. В прошлом.

— В каком прошлом?

— В том, о котором не любят говорить, — ответила она.

— Ты знаешь что-то конкретное? — спросил он.

Она медлила.

— Есть человек, — сказала она. — Саид-ага. Он хранит старые архивы. Семейные истории. Родословные. Он знает о городе больше, чем кто-либо.

— Где его найти?

— В старом квартале, — сказала она. — Дом с зелёной дверью и резными окнами.

Низами записал адрес.

— Спасибо, — сказал он.

— Ты уверен, что хочешь туда идти? — спросила она.

— Теперь — да.

Ночью он долго не мог уснуть. В голове снова и снова прокручивалась сцена в переулке. Исчезновение. Взгляд мужчины. Пустой, тяжёлый, словно за ним стояло нечто большее, чем страх или злость.

Он вспомнил, как Рустам отреагировал на перстень. Слишком резко. Слишком осторожно. Слишком... осведомлённо.

Утром он решил пойти к Саид-аге. Он не знал, что найдёт там. Но он знал одно: ответы в этом городе не лежали на поверхности. Они были спрятаны — в камне, в людях, в прошлом. И кто-то очень не хотел, чтобы их находили.

Глава 3 «ДОМ С ЗЕЛЁНОЙ ДВЕРЬЮ».

Дом Саид-аги находился в той части старого города, куда редко заходили туристы. Здесь не было сувенирных лавок и экскурсионных групп — только узкие улочки, облупленные стены и тишина, которая казалась слишком плотной для летнего утра.

Зелёную дверь он увидел сразу. Она выделялась — не яркостью, а ухоженностью. Старое дерево, потёртая краска, латунная ручка, отполированная тысячами прикосновений.

Низами постучал.

Пауза.

Затем — медленные шаги.

Дверь приоткрылась.

— Да? — раздался негромкий, но уверенный голос.

Перед ним стоял пожилой мужчина с прямой осанкой, серебряной бородой и ясными, внимательными глазами.

— Вы Саид-ага? — спросил Низами.

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответил тот.

— Меня зовут Низами Гейдаров. Я... ищу информацию.

Саид-ага посмотрел на него несколько секунд, затем кивнул.

— Заходите.

Внутри дом оказался неожиданно просторным. Высокие потолки, толстые стены, прохлада. На полках — книги, старые тетради, папки, связки писем, аккуратно разложенные по коробкам.

— Вы храните архивы? — спросил Низами.

— Я храню память, — ответил Саид-ага. — Архивы — лишь её форма.

Они сели за низкий стол. Саид-ага налил чай.

— Зачем вы пришли? — спросил он прямо.

Низами не стал ходить вокруг да около. Он рассказал всё — от ночной прогулки до перстня и разговоров с Рустамом и Зариной.

Саид-ага слушал молча.

Когда Низами закончил, старик взял паузу. Его взгляд стал глубже, тяжелее.

— Вы сказали, что на кольце была буква «R», — произнёс он.

— Да.

— Это не имя, — сказал Саид-ага. — Это род.

Низами насторожился.

— Какой род?

Саид-ага встал, подошёл к полке и достал старую папку. Открыл её, пролистал пожелтевшие страницы.

— В Дербенте, — начал он, — есть семьи, чьи корни уходят глубже, чем официальные хроники. Их имена не всегда записаны в документах, но их влияние — в судьбах людей.

Он повернул к Низами страницу.

Там была фотография: группа мужчин, сделанная, судя по всему, в середине прошлого века. Строгие лица, тёмные костюмы, уверенные позы.

— Это род Рамазановых, — сказал Саид-ага. — В узких кругах их знают как «R».

Низами всмотрелся в фото.

— Они преступники? — спросил он.

Саид-ага покачал головой.

— Не совсем. Они — хранители. Но не города. Своих интересов.

— Что это значит?

— Это значит, — сказал Саид-ага, — что они решают вопросы. Тихо. Без суда. Без шума. Без свидетелей.

Низами почувствовал холод внутри.

— И вы думаете, что исчезновения связаны с ними?

— Я не думаю, — сказал Саид-ага. — Я знаю.

Низами замер.

— Вы уверены?

— Я видел это раньше, — сказал старик. — Много лет назад. В другой форме, с другими людьми, но с тем же почерком.

— Каким?

— Люди исчезают не потому, что их хотят убить, — сказал Саид-ага. — А потому, что они знают слишком много.

Низами вспомнил взгляд мужчины в переулке — пустой, лишённый эмоций.

— Вы знаете, кто исчез в этот раз? — спросил он.

Саид-ага посмотрел на него внимательно.

— Пока нет, — сказал он. — Но знаю, что этот человек связан с событиями двадцатилетней давности.

— Какими?

Саид-ага закрыл папку.

— В конце девяностых в Дербенте было дело, — сказал он. — Официально — несчастный случай. Неофициально — исчезновение сразу трёх человек.

— Кто они были?

— Молодые мужчины. Все из разных семей. Все — друзья детства.

Низами почувствовал, как в груди что-то сжалось.

— Что с ними случилось?

— Один погиб, — сказал Саид-ага. — Его тело нашли. Двое — исчезли.

— И?

— И через год их семьи получили одинаковые письма, — сказал Саид-ага. — Написанные разными почерками, но с одинаковым смыслом: «Не ищите. Это было необходимо».

Низами молчал.

— С тех пор, — продолжил Саид-ага, — каждый, кто начинал задавать вопросы о том деле, сталкивался с проблемами. Кто-то уезжал. Кто-то молчал. Кто-то исчезал.

— И вы? — спросил Низами.

— Я храню документы, — сказал Саид-ага. — Но не делаю выводов вслух.

— Почему вы говорите это мне?

Саид-ага посмотрел на него внимательно.

— Потому что вы не отсюда, — сказал он. — И потому что вы уже стали частью этой истории, даже если ещё не понимаете как.

Низами почувствовал, как внутри что-то перевернулось.

— Вы знаете, кто тот человек, что исчез этой ночью? — спросил он повторно.

Саид-ага задумался.

— Я предполагаю, — сказал он. — Но мне нужно подтверждение.

— Откуда?

— От человека, который знает правду, но боится её сказать.

— Кто это?

Саид-ага посмотрел на него.

— Рустам.

Низами резко поднял взгляд.

— Почему он?

— Потому что он — сын одного из тех троих, — сказал Саид-ага. — Тех, кто исчез двадцать лет назад.

Низами замер. В голове мгновенно всплыли фразы Рустама, его осторожность, его взгляд на перстень.

— Вы уверены? — спросил он.

— Я храню родословные, — сказал Саид-ага. — И память города.

Низами встал.

— Мне нужно поговорить с ним, — сказал он.

— Он не скажет вам правду, — сказал Саид-ага. — Не сразу.

— Почему?

— Потому что он не знает, — сказал старик. — Или думает, что знает.

— А что, если он связан с этим напрямую? — спросил Низами.

Саид-ага посмотрел на него долго.

— Тогда вам следует быть осторожнее, — сказал он. — Потому что иногда самый опасный человек — это не тот, кто скрывает правду, а тот, кто уверен, что уже всё понял.

Низами кивнул.

— Спасибо, — сказал он.

— Возьмите это, — сказал Саид-ага, протягивая ему тонкую папку. — Здесь копии документов по делу девяностых. Не всё. Но достаточно, чтобы вы поняли, что игра началась не вчера.

Низами взял папку.

— Вы думаете, что я смогу что-то изменить? — спросил он.

Саид-ага улыбнулся — печально.

— Я думаю, — сказал он, — что вы уже меняете. Просто своим присутствием.

Когда Низами вышел на улицу, солнце уже стояло высоко. Город жил своей обычной жизнью — шумной, тёплой, наполненной смехом.

Но теперь он знал: за этой жизнью пряталась другая, скрытая, опасная.

Он достал телефон и набрал номер Рустама.

Гудки.

— Аллю, — раздался знакомый голос.

— Нам нужно поговорить, — сказал Низами. — Не в кафе. Не при людях.

Пауза.

— Что случилось? — спросил Рустам.

— Я был у Саид-аги.

Молчание.

— Где ты сейчас? — спросил Рустам.

— В старом городе.

— Я приеду, — сказал он. — Через двадцать минут.

— Хорошо, — сказал Низами.

Он убрал телефон и вдруг почувствовал — не страх. Ожидание. Тяжёлое. Напряжённое. Будто воздух перед грозой.

Он ещё не знал, что разговор с Рустамом изменит всё — не только его понимание прошлого, но и представление о том, кем на самом деле является жертва... и кто — охотник.

Глава 4 «РАЗГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО».

Рустам приехал быстрее, чем обещал. Низами стоял у старого фонтана, в тени инжира, когда услышал звук машины. Тёмный внедорожник остановился у края улицы, и Рустам вышел, оглядываясь, будто проверяя, нет ли поблизости знакомых лиц.

— Садись, — сказал он. — Здесь не место для разговоров.

Низами сел на пассажирское сиденье. Машина тронулась, медленно выезжая из старого города, затем ускорилась, направляясь к менее людному району.

— Ты был у Саид-аги, — сказал Рустам, не глядя на него. — Зачем?

— Потому что ты мне не сказал правду, — ответил Низами.

— Я не обязан, — резко сказал Рустам.

— Мы друзья, — сказал Низами. — Или уже нет?

Рустам сжал руль сильнее.

— Друзья не лезут туда, куда их не просят, — сказал он.

— Друзья не скрывают, что их отцы исчезли, — ответил Низами.

Рустам резко нажал на тормоз.

Машина остановилась на пустой улице, где с одной стороны тянулись старые склады, а с другой — пустырь с сухой травой.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он.

— От Саид-аги, — ответил Низами. — И из документов.

Рустам смотрел на дорогу перед собой.

— Мой отец не исчез, — сказал он. — Он умер.

— Ты уверен? — спросил Низами.

— Мне сказали, что он погиб в аварии, — ответил Рустам. — Когда мне было десять.

— Его тело видели? — спросил Низами.

Рустам молчал.

— Его хоронили? — продолжил Низами.

Рустам сжал челюсть.

— Нет, — сказал он тихо. — Но мне сказали, что так было нужно.

Низами вздохнул.

— Рустам, — сказал он. — Люди не исчезают просто так. И если исчезают — значит, кто-то этого хотел.

— Ты не понимаешь, — сказал Рустам. — Это не твой город.

— Но это моя совесть, — ответил Низами. — Я видел, как человек исчез. И я не могу просто уйти.

Рустам повернулся к нему.

— Ты думаешь, ты первый, кто это видел? — спросил он.

Низами замер.

— Что ты имеешь в виду?

— Я видел, — сказал Рустам. — Годы назад.

Низами почувствовал, как по спине прошёл холод.

— Когда? — спросил он.

— Мне было восемнадцать, — сказал Рустам. — Я возвращался поздно вечером. И увидел, как человек исчез в подземном ходе. Почти так же, как ты описываешь.

— Ты рассказал кому-нибудь? — спросил Низами.

— Нет, — сказал Рустам. — Потому что через два дня ко мне пришли люди.

— Кто?

— Люди, — повторил Рустам. — Без имён. Без формы. Но с очень чёткими словами.

— Что они сказали?

Рустам долго молчал.

— Они сказали, — наконец произнёс он, — что мой отец жив. И что он жив потому, что я буду молчать.

Низами затаил дыхание.

— И ты поверил?

— Я хотел верить, — сказал Рустам.

— Потому что альтернатива была хуже.

— Ты когда-нибудь видел его? — спросил Низами.

— Нет, — сказал Рустам. — Но я видел доказательства.

— Какие?

Рустам полез в бардачок, достал старый, потёртый конверт и протянул его Низами.

Внутри была фотография. Чёрно-белая. Мужчина средних лет, с бородой, в простой одежде, стоящий у стены. В руках — лист бумаги с датой, написанной от руки. Дата была пятилетней давности.

— Мне прислали это по почте, — сказал Рустам. — Без обратного адреса.

Низами всмотрелся в фото.

— Ты уверен, что это он? — спросил он.

— Я узнаю своего отца, — сказал Рустам.

— А ты не думал, что это может быть подделка? — спросил Низами.

Рустам посмотрел на него.

— Я думал, — сказал он. — Но потом мне позвонили.

— Кто?

— Он, — сказал Рустам. — Или кто-то, говорящий его голосом.

Низами почувствовал, как внутри всё напряглось.

— И что он сказал?

— Что если я открою рот, — сказал Рустам, — он исчезнет навсегда.

— То есть его держат? — спросил Низами.

— Или защищают, — сказал Рустам. — Я не знаю.

— А теперь снова кто-то исчез, — сказал Низами. — И ты снова молчишь.

— Потому что я не хочу, чтобы история повторилась, — сказал Рустам.

— А если она повторяется именно потому, что все молчат? — спросил Низами.

Рустам закрыл глаза.

— Ты думаешь, ты сможешь что-то изменить? — спросил он. — Эти люди существуют десятилетиями. Они сильнее закона.

— Закон — это не только полиция, — сказал Низами. — Это ещё и правда.

Рустам усмехнулся.

— Правда не спасает людей, — сказал он. — Молчание — иногда спасает.

— Иногда, — сказал Низами. — Но иногда оно убивает.

Рустам посмотрел на него долго.

— Ты не остановишься, — сказал он.

— Нет, — ответил Низами.

— Тогда ты подвергаешь опасности не только себя, — сказал Рустам. — Но и свою семью.

Низами почувствовал, как в груди что-то сжалось.

— Ты угрожаешь мне? — спросил он.

— Я предупреждаю, — сказал Рустам. — Потому что если они узнают, что ты копаешь, они не будут с тобой разговаривать. Они будут действовать.

— Кто «они»? — спросил Низами.

Рустам посмотрел на него.

— Род «R», — сказал он. — Те, чьи имена не пишут в документах.

Низами вспомнил слова Саид-аги.

— Ты знаешь кого-то из них? — спросил он.

Рустам молчал.

— Ты с ними связан, — сказал Низами.

— Я связан с прошлым, — сказал Рустам. — А прошлое — с ними.

Низами убрал фотографию обратно в конверт и вернул Рустаму.

— Ты знаешь, кто исчез этой ночью? — спросил он.

Рустам долго смотрел на дорогу.

— Я не знаю точно, — сказал он. — Но я догадываюсь.

— Кто?

— Человек по имени Лейла, — сказал он. — Туристка.

Низами вздрогнул.

— Женщина? — спросил он.

— Да, — сказал Рустам. — Она задавала слишком много вопросов.

— О чём?

— О прошлом, — сказал Рустам. — О деле девяностых. О трёх друзьях.

Низами почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Ты уверен, что это она исчезла? — спросил он.

— Я видел её вчера вечером, — сказал Рустам. — Она искала Саид-агу.

— Она была у него? — спросил Низами.

— Не знаю, — сказал Рустам. — Но если она была... — он замолчал.

— Что? — спросил Низами.

— Тогда она узнала слишком много, — сказал Рустам.

Низами выдохнул.

— Ты должен помочь мне, — сказал он.

— Я не могу, — сказал Рустам. — И ты не должен.

— Тогда я буду один, — сказал Низами.

Рустам посмотрел на него.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Это не детектив. Это — система.

— Любую систему можно сломать, — сказал Низами.

— Только если знаешь, где слабое место, — сказал Рустам.

— И ты его знаешь, — сказал Низами.

Рустам молчал.

— Ты знаешь, — повторил Низами. — И именно поэтому ты так боишься.

Рустам отвернулся.

— Я не боюсь, — сказал он. — Я устал.

Низами посмотрел на него.

— Тогда позволь мне продолжить, — сказал он. — Если ты не можешь — я могу.

Рустам закрыл глаза.

— Если ты пойдёшь дальше, — сказал он, — не доверяй никому.

— Даже тебе? — спросил Низами.

Рустам не ответил.

Низами вышел из машины, когда они вернулись в центр города. Он стоял на тротуаре, глядя вслед уезжающему внедорожнику, и чувствовал странную смесь — сожаление, решимость и тревогу.

Он знал: теперь он не просто свидетель. Он — цель.

Вечером ему позвонил Мурад.

— Я посмотрел записи, — сказал он.

— И? — спросил Низами.

— Камеры в том переулке не работали, — сказал Мурад. — Но есть запись с соседней улицы.

— Что на ней?

— Человек, подходящий под ваше описание, заходит в переулок, — сказал Мурад. — А потом... не выходит.

— И второй? — спросил Низами.

— Второй выходит, — сказал Мурад. — Спокойно. Без спешки.

Низами сжал телефон.

— Вы его узнали? — спросил он.

— Нет, — сказал Мурад. — Лицо неразборчиво. Но...

— Но? — спросил Низами.

— Его походка, — сказал Мурад. — Мне кажется, я её где-то видел.

— Где? — спросил Низами.

— Внутри системы, — сказал Мурад.

Низами почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

Мурад помолчал.

— Я позвоню вам завтра, — сказал он. — Лично.

— Почему не сейчас?

— Потому что по телефону такие вещи не говорят, — сказал Мурад. — И потому что я не уверен, кому сейчас можно доверять.

Связь оборвалась.

Низами опустил телефон.

Над городом сгустились сумерки. Каменные стены темнели, словно впитывая ночь. И он вдруг понял: самое опасное в этой истории — не исчезновения. А то, что слишком многие люди знают правду. И слишком многие — молчат.

Глава 5 «ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО».

Рассвет стекал по крышам старого города лениво, будто не хотел разгонять ночные тени. Они цеплялись за углы домов, прятались в арках, и Низами вдруг подумал, что в этом городе утро никогда не бывает по-настоящему светлым.

Низами проснулся от ощущения, что за ним наблюдают. Он лежал неподвижно, прислушиваясь к звукам дома: тихое дыхание жены, ровное сопение сына из соседней комнаты, далёкий шум улицы. Всё было спокойно. Слишком спокойно.

Он встал, подошёл к окну. Во дворе никого не было. Солнце только поднималось, окрашивая стены в мягкий золотистый цвет.

Телефон завибрировал.

«Не говори никому. Она жива». Номер был скрыт.

Низами перечитал сообщение несколько раз.

— «Она...» — пробормотал он. — Лейла?

Он быстро набрал номер Мурада.

— Это вы? — спросил он, как только услышал голос.

— Нет, — ответил Мурад. — Но я тоже получил странное сообщение. Только другое.

— Что в нём? — спросил Низами.

— «Не ищите прошлое, если не хотите потерять настоящее», — сказал Мурад. — Почерк один и тот же.

Низами сжал телефон.

— Где вы сейчас? — спросил он.

— На службе, — ответил Мурад. — Но это ненадолго.

— Нам нужно встретиться, — сказал Низами.

— Сегодня вечером, — сказал Мурад. — В людном месте. Без разговоров по телефону.

— Где? — спросил Низами.

— Кафе у набережной, — сказал Мурад. — В девять.

Связь прервалась.

Днём Низами решил вернуться к переулку. Он не сказал семье, куда идёт. Сказал, что пойдёт прогуляться по старому городу. Это была правда — только не вся.

Переулок выглядел так же, как в ту ночь: узкий, каменный, с тенью от фонаря, даже днём различимой на стене.

Он подошёл к арке.

Лестница вниз.

Он спустился.

На этот раз он прошёл дальше. Ход вёл в небольшой подземный коридор, затем — в помещение, похожее на старый склад: пустые ниши, обвалившаяся штукатурка, запах сырости. И вдруг он услышал голос.

— Вы всё-таки пришли.

Он резко обернулся.

В углу, в тени, стояла женщина.

— Лейла? — спросил он.

Она вышла на свет.

Да. Это была она.

Та самая туристка, о которой говорил Рустам. Тёмные волосы, собранные в хвост, спокойный, но настороженный взгляд.

— Вы живы, — сказал Низами.

— Пока да, — ответила она.

— Где вы были? — спросил он. — Все думают, что вы исчезли.

— Исчезла не я, — сказала Лейла. — Исчезла моя версия.

Низами нахмурился.

— Объясните.

— Вы не первый, кто ищет правду, — сказала она. — Но вы первый, кто оказался здесь случайно. Это делает вас опасным.

— Для кого? — спросил Низами.

— Для всех, — ответила она. — Включая вас самих.

Низами молчал.

— Вы искали Саид-агу, — сказал он.

— Да, — ответила она. — Но он не сказал мне всего.

— Что именно вы ищете? — спросил Низами.

Лейла посмотрела на него долго.

— Моего отца, — сказала она.

Низами почувствовал, как внутри что-то сдвинулось.

— Он исчез? — спросил он.

— Нет, — сказала Лейла.

— Он — один из тех троих.

Низами затаил дыхание.

— Тех, что исчезли двадцать лет назад? — спросил он.

— Да, — сказала Лейла. — Его звали Рашид.

Низами вспомнил фотографию у Саид-аги. Вглядывался в лица, пытаясь вспомнить, было ли среди них это имя.

— Вам говорили, что он погиб? — спросил Низами.

— Мне говорили, что он предал семью и сбежал, — сказала Лейла. — А потом — что он умер.

— Вы не поверили? — спросил Низами.

— Я не поверила ни одному из этих ответов, — сказала Лейла. — Потому что мой отец не был ни предателем, ни беглецом.

— Тогда кто он был? — спросил Низами.

— Человек, который узнал то, чего не должен был, — сказала Лейла.

Низами медленно выдохнул.

— Почему вы скрывались? — спросил он.

— Потому что за мной следили, — сказала Лейла. — И потому что кто-то хотел, чтобы все думали, что я исчезла.

— Кто? — спросил Низами.

— Те же люди, — сказала Лейла. — Род «R».

Низами сжал кулаки.

— Они угрожали вам? — спросил он.

— Нет, — сказала Лейла. — Они сделали хуже.

— Что именно?

— Они показали мне, — сказала Лейла, — что они могут сделать с теми, кто ищет правду.

Низами молчал.

— Почему вы здесь? — спросил он.

— Почему вышли ко мне?

— Потому что вы не из системы, — сказала она. — И потому что вы уже в ней.

— Я не хочу быть частью этого, — сказал Низами.

— Тогда вы выбрали неправильный город, — сказала Лейла.

Она подошла ближе.

— Вы нашли кольцо, — сказала она.

Низами замер.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Потому что это кольцо принадлежит моему отцу, — сказала она. — Я видела его десятки раз. Он не снимал его никогда.

Низами достал перстень.

— Вот оно, — сказал он.

Лейла взяла его в руки. Её пальцы дрогнули.

— Это он, — сказала она тихо.

— Тогда человек, который исчез в переулке... — начал Низами.

— Это был не мой отец, — сказала Лейла. — Но он был с ним связан.

— Как? — спросил Низами.

— Он был посредником, — сказала Лейла. — Тем, кто передавал информацию.

— О чём? — спросил Низами.

— О том, кто на самом деле контролирует исчезновения, — сказала Лейла. — И зачем.

Низами почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Зачем? — повторил он.

Лейла посмотрела ему в глаза.

— Чтобы переписать прошлое, — сказала она. — И стереть тех, кто знает настоящую версию событий.

Низами молчал.

— Вы думаете, что можете их остановить? — спросила она.

— Я думаю, что могу не позволить им продолжать, — сказал Низами.

Лейла улыбнулась — слабо, печально.

— Вы юрист, — сказала она. — Вы верите в закон.

— Я верю в ответственность, — сказал Низами. — Даже если закон молчит.

Лейла убрала кольцо в ладонь, затем вернула ему.

— Оно пока у вас, — сказала она. — Если со мной что-то случится — вы будете знать, где искать ответы.

— Где? — спросил Низами.

— В деле девяностых, — сказала она. — Но не в том виде, в каком его хранит Саид-ага.

— А в каком? — спросил Низами.

— В версии, — сказала она, — которая никогда не была записана.

— И где её найти? — спросил Низами.

— У человека, который всё это начал, — сказала Лейла.

— Кто это? — спросил Низами.

Лейла замолчала.

— Его имя вы уже слышали, — сказала она. — Просто не связывали его с этим.

Низами почувствовал, как внутри что-то холодеет.

— Скажите, — сказал он.

Лейла посмотрела на него долго.

— Рустам, — сказала она.

Низами замер.

— Нет, — сказал он. — Он не может быть...

— Он — не организатор, — сказала Лейла. — Но он — ключ.

— К чему? — спросил Низами.

— К прошлому, — сказала Лейла. — И к тому, что происходит сейчас.

— Почему? — спросил Низами.

— Потому что его отец не просто исчез, — сказала Лейла. — Он выжил. И стал частью системы.

Низами почувствовал, как внутри всё переворачивается.

— Вы хотите сказать... — начал он.

— Я хочу сказать, — перебила Лейла, — что человек, которого Рустам считает жертвой, может быть одним из архитекторов этой сети.

Низами молчал.

— Вы уверены? — спросил он.

— Я видела документы, — сказала Лейла. — Не все. Но достаточно.

— Где они? — спросил Низами.

— У человека, который исчез в переулке, — сказала Лейла. — Он собирался передать их мне.

Низами вспомнил пустой коридор, лестницу, тьму.

— Значит, он исчез не случайно, — сказал Низами.

— Ничто из этого не случайно, — сказала Лейла.

В этот момент сверху раздался звук шагов.

Лейла резко напряглась.

— Они здесь, — сказала она.

— Кто? — спросил Низами.

— Те, кто не хочет, чтобы вы со мной разговаривали, — сказала она.

— Что нам делать? — спросил Низами.

— Разойтись, — сказала Лейла. — Сейчас.

— Но...

— Если вы уйдёте со мной, — сказала она, — они поймут, что вы знаете слишком много.

— А если я уйду один? — спросил Низами.

— Тогда вы всё ещё будете выглядеть как случайный турист, — сказала она. — Пока.

Низами сжал кулаки.

— Когда мы увидимся снова? — спросил он.

— Если увидимся, — сказала Лейла.

— Значит, мы оба ещё живы.

Она шагнула в тень и исчезла так же внезапно, как появилась.

Низами стоял в подземелье, слушая, как шаги сверху приближаются, затем удаляются.

Он вышел наружу.

Солнце всё ещё светило. Город жил своей обычной жизнью. Но теперь он знал: жертва может быть опаснее, чем кажется. И охотник — не всегда тот, кого считают виновным.

Глава 6 «ТЕ, КТО ХОДЯТ РЯДОМ».

Набережная Дербента вечером выглядела почти празднично. Огни кафе отражались в тёмной воде Каспия, люди гуляли семьями, дети бегали с мороженым, слышалась музыка — негромкая, фоновая, будто город старался создать ощущение нормальности.

Низами сидел за столиком у перил и смотрел на море, не видя его. Мысли возвращались к подземелью, к словам Лейлы, к имени Рустама, прозвучавшему в совсем другом, пугающем контексте.

Телефон завибрировал. Там было сообщение: «Я рядом. Не смотри по сторонам». Это был Мурад. Через минуту мужчина сел за соседний столик, будто случайный посетитель. Они не поздоровались. Не посмотрели друг на друга.

— Камеры работают, — тихо сказал Мурад, глядя на море. — И не только полицейские.

— Вы узнали его? — спросил Низами, не поворачивая головы.

— Да, — сказал Мурад. — И это плохая новость.

— Кто он? — спросил Низами.

— Он — бывший сотрудник, — сказал Мурад. — Но не МВД. Другой структуры.

Низами почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Он действующий? — спросил он.

— Формально — нет, — сказал Мурад. — Фактически — да.

— Как это возможно? — спросил Низами.

— Есть люди, — сказал Мурад, — которые не уходят. Их просто перестают видеть.

Низами молчал.

— И он связан с исчезновениями? — спросил он.

— Он не исполнитель, — сказал Мурад. — Он координатор.

— А жертва? — спросил Низами. — Тот, кто исчез.

— Его личность установлена, — сказал Мурад. — Но официально он жив и находится в другом регионе.

— То есть его уже «переписали», — сказал Низами.

— Именно, — сказал Мурад. — Новый паспорт. Новая биография. Новый человек.

Низами сжал губы.

— Это возможно только при поддержке сверху, — сказал он.

— Или при поддержке снизу, — сказал Мурад. — Когда система защищает сама себя.

Низами вспомнил слова Лейлы.

— Он был посредником, — сказал Низами. — Передавал информацию.

Мурад посмотрел на него краем глаза.

— Откуда вы это знаете? — спросил он.

— Я встретился с Лейлой, — сказал Низами.

Мурад резко повернулся к нему.

— Где? — спросил он.

— В подземелье, — сказал Низами.

— Она жива.

Мурад медленно выдохнул.

— Это плохо, — сказал он.

— Почему? — спросил Низами.

— Потому что если она жива, — сказал Мурад, — значит, они допустили ошибку. А такие люди не прощают ошибок.

Низами молчал.

— Она сказала, что кольцо принадлежит её отцу, — сказал он. — Рашиду. Одному из тех троих.

Мурад кивнул.

— Это сходится, — сказал он.

— Вы знали его? — спросил Низами.

— Я знал о нём, — сказал Мурад.

— И о деле девяностых.

— Что там произошло на самом деле? — спросил Низами.

Мурад задумался.

— Официально, — сказал он, — три друга были замешаны в незаконных схемах. Один погиб, двое скрылись. Дело закрыли.

— А неофициально? — спросил Низами.

— Неофициально, — сказал Мурад, — они нашли информацию, которая компрометировала не просто отдельных людей, а всю структуру.

— Какую структуру? — спросил Низами.

Мурад посмотрел на море.

— Структуру, — сказал он, — которая занималась «коррекцией» реальности.

Низами нахмурился.

— Что это значит?

— Это значит, — сказал Мурад, — что если человек мешал, его не всегда устраняли физически. Иногда его просто стирали из своей прежней жизни.

— Меняли документы, прошлое, окружение, — сказал Низами.

— Именно, — сказал Мурад. — И создавали новую версию.

Низами почувствовал холод.

— И отец Рустама... — начал он.

— Был одним из тех, кто сначала стал жертвой, — сказал Мурад, — а потом — частью системы.

Низами замер.

— Вы уверены? — спросил он.

— Я видел внутренние отчёты, — сказал Мурад. — Очень давно. До того, как меня «убрали».

— Почему вас убрали? — спросил Низами.

Мурад усмехнулся.

— Потому что я задал неправильные вопросы, — сказал он. — И потому что не захотел перестать задавать их.

— Почему вы не исчезли? — спросил Низами.

— Потому что я оказался неудобным даже для них, — сказал Мурад. — Иногда проще держать человека на виду, чем терять контроль.

Низами молчал.

— Что сейчас происходит? — спросил он.

— Сейчас, — сказал Мурад, — система корректирует следы. Тот, кто исчез в переулке, был носителем информации. Он должен был передать её Лейле. Этого не произошло.

— Значит, информация ещё где-то, — сказал Низами.

— Да, — сказал Мурад. — И они будут искать её.

— Где она может быть? — спросил Низами.

Мурад посмотрел на него внимательно.

— В месте, куда никто не смотрит, — сказал он. — В старых делах.

— У Саид-аги? — спросил Низами.

— Не только, — сказал Мурад. — В архивах, которые официально уничтожены, но фактически существуют.

— Где? — спросил Низами.

— В одном из старых отделов МВД, — сказал Мурад. — В подвале. За запертой дверью.

Низами почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Вы предлагаете туда проникнуть? — спросил он.

— Я предлагаю, — сказал Мурад, — успеть раньше, чем это сделают они.

— У нас есть время? — спросил Низами.

— Очень мало, — сказал Мурад.

— Потому что сегодня ночью кто-то попытается заставить вас замолчать.

Низами резко посмотрел на него.

— Меня? — спросил он.

— Вас, — подтвердил Мурад. — Или Лейлу. Или кого-то из ваших близких.

Низами почувствовал, как холод прошёл по спине.

— Вы уверены? — спросил он.

— Мне дали понять, — сказал Мурад. — Что вы перешли границу.

Низами вспомнил слова Рустама.

— Вы говорили, что знаете его походку, — сказал Низами. — Того, кто вышел из перелюка.

— Да, — сказал Мурад. — И я вспомнил, где видел её.

— Где? — спросил Низами.

— В одном из внутренних отчётов, — сказал Мурад. — Речь шла о человеке, который занимался «переводами».

— Переводами? — спросил Низами.

— Переводами людей, — сказал Мурад. — Из одной жизни в другую.

Низами сжал кулаки.

— Значит, человек, который исчез, не умер, — сказал он. — Его просто перевели.

— Да, — сказал Мурад. — Но это не всегда добровольно.

Низами молчал.

— Вы должны исчезнуть, — сказал Мурад.

— Что? — спросил Низами.

— Временно, — уточнил Мурад. — Чтобы сбить их с толку.

— А моя семья? — спросил Низами.

— В безопасности, — сказал Мурад. — Пока вы ведёте себя как турист.

— Но если я исчезну... — начал Низами.

— Тогда вы станете ещё одной версией, — сказал Мурад. — Но контролируемой вами.

Низами задумался.

— А если я не исчезну? — спросил он.

— Тогда исчезнут другие, — сказал Мурад.

Низами почувствовал тяжесть выбора.

— Я не хочу прятаться, — сказал он.

— Тогда готовьтесь, — сказал Мурад. — Потому что сегодня ночью вас проверят.

— Как? — спросил Низами.

— Не так, как вы думаете, — сказал Мурад. — Не угрозами. Не силой.

— А чем? — спросил Низами.

Мурад посмотрел на него.

— Предложением, — сказал он. — Таким, от которого сложно отказаться. Потому что оно будет выглядеть как спасение.

Низами нахмурился.

— Каким? — спросил он.

— Таким, от которого сложно отказаться, — повторил Мурад. — Потому что оно будет выглядеть как спасение.

Низами молчал.

— И что мне делать, если оно поступит? — спросил он.

— Принять, — сказал Мурад. — Но не поверить.

Низами посмотрел на него.

— Вы хотите, чтобы я сыграл их игру? — спросил он.

— Я хочу, — сказал Мурад, — чтобы вы узнали её правила.

— И где слабое место? — спросил Низами.

Мурад посмотрел на море.

— В людях, — сказал он. — Которые однажды были жертвами.

Низами вспомнил Рустама.

— И в тех, кто боится правды больше, чем лжи, — добавил Мурад.

Низами встал.

— Что мы делаем дальше? — спросил он.

Мурад тоже поднялся.

— Вы идёте домой, — сказал он. — Проводите вечер с семьёй. Делайте вид, что ничего не происходит.

— А вы? — спросил Низами.

— Я проверю доступы, — сказал Мурад. — И посмотрю, что осталось в подвале.

— Мы встретимся? — спросил Низами.

— Если всё пойдёт по плану, — сказал Мурад. — Завтра утром.

— А если нет? — спросил Низами.

Мурад посмотрел на него внимательно.

— Тогда вы будете знать, — сказал он, — что вы уже внутри системы.

Ночью Низами долго не мог уснуть. Он лежал, слушая дыхание жены и сына, и думал о том, как тонка грань между обычной жизнью и тем, что скрывается под ней. Телефон завибрировал. Сообщение: «Вы нам мешаете. Но вы нам интересны. Давайте поговорим». Номер был неизвестен. Следом пришло второе сообщение: «Завтра. 10:00. Старый порт. Приходите один». Низами смотрел на экран. Мурад был прав. Предложение пришло. И оно действительно выглядело как спасение.

Глава 7 «СТАРЫЙ ПОРТ».

Старый порт Дербента не был туристическим местом. Здесь не продавали сувениры, не фотографировались на фоне моря, не гуляли семьями. Здесь работали — или ждали тех, кто работал.

Низами пришёл ровно в десять. Он надел простую футболку, тёмные брюки, оставил часы дома. Телефон — в кармане, на беззвучном режиме, но с включённой записью. Это было не столько юридическое решение, сколько инстинктивное — как будто он входил не просто в разговор, а в зону, где каждое слово может стоить слишком дорого.

У причала стояли два старых катера. Между ними — деревянный настил, частично прогнивший, с тёмными пятнами от воды и масла.

Человек ждал его. Он сидел на металлическом ящике, словно случайный рабочий: светлая рубашка с закатанными рукавами, тёмные очки, аккуратная борода. Лицо — спокойное, почти доброжелательное.

— Вы пунктуальны, — произнёс он, не вставая. — Это хорошее качество.

Низами остановился в двух метрах.

— Вы тоже, — ответил он. — Это плохой знак.

Человек улыбнулся.

— Вы юрист, — сказал он. — Вы привыкли искать смысл в знаках.

— Я привык искать его в действиях, — ответил Низами.

— Тогда вы здесь не случайно, — проговорил мужчина. — Присаживайтесь.

Низами не сел.

— Вы написали, что я вам мешаю, — сказал он. — И что я вам интересен. Это противоречие.

— Не обязательно, — ответил мужчина. — Иногда именно те, кто мешает, и представляют интерес.

— Кто вы? — спросил Низами.

— Назовём меня посредником, — сказал мужчина. — Это удобное слово.

— Между кем и кем? — спросил Низами.

— Между прошлым и будущим, — произнёс мужчина. — Между ошибками и возможностями.

Низами посмотрел на него внимательно.

— Вы тот, кто занимается «переводами»? — спросил он.

Мужчина не изменился в лице.

— Вы быстро учитесь, — сказал он.

— Это тоже хорошее качество.

— Это не ответ, — настаивал Низами.

— Это достаточный ответ для первого разговора, — спокойно проговорил мужчина.

Низами молчал.

— Вы ищете человека, — сказал мужчина. — Того, кто исчез.

— Я ищу правду, — ответил Низами.

— Правда — это роскошь, — произнёс мужчина. — Не все могут себе её позволить.

— Я могу, — сказал Низами.

Мужчина улыбнулся чуть шире.

— Посмотрим, — проговорил он. — Но сначала — предложение.

Низами внутренне напрягся.

— Слушаю, — коротко бросил он.

— Вы возвращаетесь в Ярославль, — сказал мужчина. — Забываете о Дербенте, о подземельях, о старых архивах, о Лейле, о Рашиде, о девяностых. Мы закрываем вопрос.

— А взамен? — спросил Низами.

— Спокойствие, — произнёс мужчина. — Безопасность. Карьера. Возможности. Очень хорошие возможности.

— Конкретнее, — потребовал Низами.

— Должность, — сказал мужчина. — В одной из федеральных структур. Вы — умный, вы — системный, вы — чистый. Такие люди нам нужны.

— Вам? — уточнил Низами.

— Системе, — ответил мужчина. — Она не монолитна, как думают. Она — организм. Иногда ей нужно обновление.

— А исчезнувший человек? — спросил Низами.

— Он жив, — сказал мужчина. — И он будет жить дальше. В другой версии.

— Против своей воли? — спросил Низами.

— Это зависит от точки зрения, — проговорил мужчина. — Иногда человек не знает, чего он хочет, пока его не поставят перед фактом.

— А Лейла? — спросил Низами.

Мужчина на секунду замолчал.

— Она слишком много знает, — произнёс он. — Но это поправимо.

Низами почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Что вы собираетесь с ней сделать? — спросил он.

— Мы предложим ей выбор, — сказал мужчина. — Такой же, как вам.

— А если она откажется? — спросил Низами.

Мужчина посмотрел на него.

— Тогда мы найдём для неё новую версию, — спокойно ответил он.

— Вы стираете людей, — сказал Низами. — Это преступление.

— Мы спасаем систему от распада, — произнёс мужчина. — Это служение.

— Служение кому? — спросил Низами.

— Стране, — сказал мужчина. — Порядку. Будущему.

— А тем, кого вы стираете? — настаивал Низами. — Они не часть будущего?

— Не все должны быть частью истории, — проговорил мужчина. — Некоторые должны быть её тенью.

Низами молчал.

— Вы знаете, — сказал мужчина, — что если вы откажетесь, вы не сможете защитить всех.

— Я и сейчас не могу, — тихо ответил Низами.

— Но сейчас вы можете защитить хотя бы своих, — произнёс мужчина.

— Вы угрожаете моей семье? — резко спросил Низами.

— Нет, — спокойно сказал мужчина. — Я говорю о реальности.

Низами посмотрел ему прямо в глаза.

— Вы не ответили на главный вопрос, — сказал он.

— Какой? — спросил мужчина.

— Почему вы предлагаете это мне? — произнёс Низами. — Почему не устраняете меня?

Мужчина медленно снял очки. Глаза у него были спокойные, почти усталые.

— Потому что вы не похожи на тех, кто ломается, — сказал он. — И не похожи на тех, кто продаётся. Такие люди редки. А редкие вещи ценят.

— Вы хотите, чтобы я стал частью этого? — спросил Низами.

— Я хочу, чтобы вы перестали мешать, — проговорил мужчина. — И начали понимать.

— Понимать что? — не отступал Низами.

— Что мир не делится на чёрное и белое, — произнёс мужчина. — Есть только оттенки выживания.

Низами вспомнил слова Мурада: «Принять, но не поверить».

— Я подумаю, — сказал он.

Мужчина улыбнулся.

— Конечно, — проговорил он. — Но недолго.

— Сколько у меня времени? — спросил Низами.

— До завтра, — ответил мужчина. — До полудня.

— А если я скажу «нет»? — спросил Низами.

Мужчина посмотрел на море.

— Тогда вы узнаете, — сказал он, — насколько тонка граница между туристом и проблемой.

Низами развернулся.

— Я не даю ответов под давлением, — произнёс он. — Это плохая сделка.

— Все сделки плохие, — спокойно бросил мужчина. — Вопрос лишь в том, какая из них меньшее зло.

Низами ушёл, не оборачиваясь.

Вечером он вернулся домой раньше обычного. Сын играл на полу с машинками. Жена готовила ужин. Всё выглядело спокойно. Слишком спокойно.

— Ты сегодня какой-то напряжённый, — сказала она. — Всё в порядке?

— Да, — ответил Низами. — Просто устал.

Он сел рядом с сыном, взял одну из машинок, прокатил её по полу. В голове звучал голос мужчины из порта: «Мы закрываем вопрос».

Телефон снова завибрировал. Сообщение было коротким: «Вы сделали правильный шаг, придя. Не сделайте неправильный, уходя».

Низами посмотрел на экран и впервые за всё время почувствовал не страх. А злость. Он понял, что его не просто хотят заставить замолчать. Его хотят переписать. И он не собирался становиться чьей-то версией.

Глава 8 «АРХИВ, КОТОРОГО НЕТ».

Саид-ага жил в старом доме у подножия Нарын-Калы — там, где стены помнят больше, чем люди, а тени на закате ложатся так, будто кто-то всё ещё ходит по двору, даже если никого нет.

Низами пришёл к нему ближе к вечеру. Воздух был тяжёлым, насыщенным запахом пыли, старых книг и нагретого камня. Дом Саид-аги не выглядел заброшенным, но и жилым его назвать было трудно — скорее, он был похож на музей, который не захотели закрывать.

— Ты пришёл раньше, чем я ожидал, — проговорил Саид-ага, не оборачиваясь. Он сидел за столом, перебирая бумаги.

— У меня мало времени, — ответил Низами. — И ещё меньше — уверенности.

Саид-ага усмехнулся.

— Уверенность — роскошь, — сказал он. — Здесь мы торгуем только фактами и догадками.

— Мне нужны старые дела, — произнёс Низами. — Те, которые официально уничтожены.

Саид-ага поднял на него глаза.

— Ты задаёшь опасные вопросы, — заметил он.

— Я уже в опасной истории, — ответил Низами. — Разница небольшая.

Саид-ага встал, подошёл к шкафу, провёл рукой по корешкам книг.

— Ты знаешь, — сказал он, — что не все архивы хранятся в папках.

— Где же? — спросил Низами.

— В людях, — проговорил Саид-ага. — В страхе. В молчании. В привычке не вспоминать.

— Мне нужно больше, чем привычки, — настаивал Низами.

Саид-ага посмотрел на него долго.

— Ты похож на своего отца, — произнёс он.

Низами напрягся.

— Вы знали моего отца? — спросил он.

— Я знал о нём, — сказал Саид-ага. — Он тоже задавал вопросы. Но вовремя остановился.

— Или его остановили, — тихо ответил Низами.

Саид-ага не ответил.

— Ты пришёл за делом Рашида, — сказал он.

Низами вздрогнул.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Потому что если бы ты пришёл за чем-то другим, — проговорил Саид-ага, — ты бы уже ушёл.

Он подошёл к старому комоду, выдвинул нижний ящик. Внутри не было ничего, кроме старой ткани и пустоты.

— Ты думаешь, здесь ничего нет, — произнёс Саид-ага. — Но это не так.

Он поднял ткань. Под ней был тонкий металлический люк, почти незаметный.

— Неофициальный архив, — сказал он. — Точнее, его фрагмент.

Низами почувствовал, как у него пересохло в горле.

— Вы храните это здесь? — спросил он.

— Не я, — спокойно ответил Саид-ага. — История хранит. Я просто не мешаю ей.

Он открыл люк. Внутри лежали тонкие папки, обмотанные верёвкой, потемневшие от времени.

— Это не копии, — произнёс Саид-ага. — Это оригиналы.

— Как они у вас оказались? — спросил Низами.

— Потому что когда их должны были уничтожить, — сказал Саид-ага, — один человек не смог нажать на спусковой крючок истории.

— Кто? — спросил Низами.

Саид-ага посмотрел на него.

— Его звали не Рашид, — проговорил он. — Но он знал Рашида.

Низами медленно взял папку. На обложке было написано: «Дело № 417/94». Под грифом — «Уничтожено».

— Что внутри? — спросил он.

— Не то, что ты ожидаешь, — произнёс Саид-ага. — И не то, что ты хочешь.

Низами открыл папку. Внутри были протоколы допросов, старые фотографии, отчёты о перемещениях и, самое странное, несколько листов без подписей, с пометками от руки.

На одном из листов было написано: «Объект переведён. Новая версия согласована». Низами почувствовал, как холод проходит по спине.

— Это не просто исчезновение, — тихо произнёс он. — Это система.

— Это механизм, — сказал Саид-ага. — И он работает до сих пор.

— Рашид знал об этом? — спросил Низами.

— Да, — проговорил Саид-ага. — И он хотел выйти.

— Выйти из системы? — уточнил Низами.

— Из механизма, — поправил Саид-ага. — Это разные вещи.

— И что с ним произошло? — спросил Низами.

Саид-ага вздохнул.

— Его перевели, — произнёс он. — Но не туда, куда он хотел.

— Его убили? — спросил Низами.

— Нет, — спокойно сказал Саид-ага. — Его оставили жить. Это хуже.

Низами закрыл папку.

— А Лейла? — спросил он.

— Она — ключ, — проговорил Саид-ага. — Но она этого не знает.

— К чему? — спросил Низами.

— К доказательству, — объяснил Саид-ага. — Не к версии. Не к слуху. К факту.

— Какому? — настаивал Низами.

— К тому, — произнёс Саид-ага, — что система однажды допустила ошибку.

— Какую? — спросил Низами.

Саид-ага посмотрел на него.

— Она перевела не того человека, — сказал он.

Низами замер.

— Кого? — спросил он.

Саид-ага не ответил сразу.

— Ты ещё не готов к этому имени, — проговорил он. — Но ты его узнаешь.

Низами сжал папку.

— Вы понимаете, что если они узнают, что это у вас... — начал он.

— Они знают, — спокойно перебил Саид-ага. — Просто они думают, что я уже мёртв.

Низами посмотрел на него.

— А вы? — спросил он.

Саид-ага улыбнулся.

— Иногда, — произнёс он, — это почти правда.

Низами спрятал папку в рюкзак.

— Мне нужно это изучить, — сказал он.

— Не дома, — предупредил Саид-ага. — И не в отеле.

— Где тогда? — спросил Низами.

— Там, где вы не человек, — проговорил Саид-ага. — А тень.

Низами нахмурился.

— Где? — повторил он.

— В старой крепости, — объяснил Саид-ага. — В одной из закрытых галерей. Там, где камень помнит больше, чем бумага.

Низами кивнул.

— Я буду осторожен, — пообещал он.

— Нет, — возразил Саид-ага. — Ты будешь честен.

— В чём разница? — спросил Низами.

— Осторожность — это про тело, — произнёс Саид-ага. — А честность — про выбор.

Низами замолчал.

— Ты уже внутри, — тихо сказал Саид-ага. — И выхода больше нет. Есть только направление.

Низами развернулся, чтобы уйти.

— Ты ещё вернёшься, — проговорил Саид-ага ему вслед.

— Почему вы так уверены? — спросил Низами, обернувшись.

— Потому что ты уже несёшь чужую правду, — произнёс Саид-ага. — А такую ношу нельзя бросить на полпути.

Поздно ночью Низами сидел в комнате, держа перед собой папку. Он перечитывал строки, которые не должны были существовать. Телефон снова завибрировал. Сообщение было от неизвестного номера: «Вы уже взяли то, что не принадлежит вам. Это можно исправить».

Низами медленно положил телефон на стол. Он понял: его уже не просто наблюдают. Его проверяют.

Глава 9 «ГАЛЕРЕЯ ТЕНЕЙ».

Ночь в крепости была другой. Днём Нарын-Кала жила туристами, экскурсиями, головами, шагами. Ночью она превращалась в каменного свидетеля — молчаливого, тяжёлого, древнего.

Низами вошёл через служебный проход, которым пользовались только сотрудники и реставраторы. Саид-ага дал ему старый ключ и короткое указание: «Не включай свет сразу. Сначала слушай».

Он шёл медленно, касаясь рукой холодной стены. Камень был тёплым от дневного солнца, но внутри крепости воздух оставался прохладным, будто прошлое не отпускало здесь даже ночью.

Галерея, о которой говорил Саид-ага, находилась в северной части — там, где туристов не водили. Узкий коридор, сводчатый потолок, несколько ниш в стенах, где когда-то хранили оружие или припасы.

Низами остановился. Он действительно сначала слушал. Тишина. Но не абсолютная. Где-то далеко слышался глухой шум моря, и ещё — едва уловимый звук, будто кто-то передвигается по камню. Низами замер. Шаги. Не его. Он выключил телефон, убрал его в карман, медленно достал папку.

— Я знаю, что вы здесь, — произнёс он в темноту.

Ответа не было.

Он включил фонарик. Свет выхватил пустые стены, ниши, пыль, старые надписи на камне — следы времени, не людей.

— Я не ищу конфликта, — тихо сказал Низами. — Но я не уйду.

Тишина.

Он прошёл дальше, до конца галереи, где был тупик и небольшая арка — когда-то это был выход, но его заложили камнем. Именно здесь, по словам Саид-аги, лучше всего читать прошлое. Низами сел на каменный выступ, положил папку на колени, открыл её. Он начал с протоколов. Их язык был сухим, формальным, лишённым эмоций — но именно это делало их страшными. «Объект сотрудничает». «Объект выражает сомнения». «Объект проявляет признаки выхода из-под контроля». Ни имён, ни фамилий. Только «объект». Дальше — фотографии. Люди на них выглядели обычными. Не преступники, не герои — просто люди. На одной из фотографий Низами узнал лицо.

Рашид.

Он был моложе, чем на снимках, которые показывала Лейла. Лицо напряжённое, взгляд — не испуганный, а сосредоточенный, будто он уже тогда понимал, что времени у него мало.

Низами перевернул страницу. Там была схема. Не схема преступления — схема процесса. Стрелки, квадраты, подписи: «Идентификация», «Изоляция», «Перепрошивка», «Введение в новую среду».

Низами почувствовал, как внутри всё холодеет.

Это не было устранением.

Это было переписывание.

Он перевернул ещё одну страницу — и замер. На листе было имя.

Рустам Керимов.

Низами сначала не понял, что он видит. Он прочитал снова. И снова.

— Нет... — прошептал он.

Это имя не могло здесь быть.

Рустам — его друг детства. Тот, с кем он бегал по двору, делил хлеб, делал первые глупости, первые ошибки, первые шаги во взрослую жизнь. Он не мог быть частью этого.

Низами быстро пролистал дальше. Там было указано: «Сын объекта. Потенциальная точка нестабильности».

Низами почувствовал, как сердце сжалось.

— Это не может быть правдой... — пробормотал он.

Он перечитал документы внимательнее. Там не говорилось, что Рустам — участник системы. Там говорилось, что Рустам — часть уравнения. Часть риска. Часть контроля. Часть... будущего.

Низами закрыл папку. В этот момент свет фонарика дрогнул. Он резко обернулся. В конце галереи, у входа, стоял человек.

— Я надеялся, что вы не дойдёте до этой страницы, — проговорил знакомый голос.

Низами узнал его сразу.

— Мурад, — сказал он.

Мурад стоял спокойно, без оружия, без угрозы в голосе.

— Ты следил за мной? — спросил Низами.

— Я защищал тебя, — ответил Мурад. — Это разные вещи.

— Ты знал? — спросил Низами. — Про Рустама.

Мурад медленно кивнул.

— Я подозревал, — произнёс он. — Но не был уверен.

— Почему ты мне не сказал? — настаивал Низами.

— Потому что ты бы не поверил, — спокойно сказал Мурад. — И потому что ты должен был увидеть это сам.

— Это подстава? — спросил Низами. — Ложные документы?

— Нет, — ответил Мурад. — Это оригиналы.

Низами встал.

— Значит, Рустам — часть этого? — спросил он.

— Нет, — проговорил Мурад. — Он — часть их контроля.

— Объясни, — потребовал Низами.

— Его отец, — сказал Мурад, — был одним из тех, кого перевели. Но не уничтожили. Он согласился работать.

— Работать на них? — переспросил Низами.

— Да, — кивнул Мурад. — А когда у него появился сын, система получила рычаг.

Низами почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Значит, Рустам... — начал он.

— Рустам рос в тени, — тихо произнёс Мурад. — Даже не зная, что он — тень.

— Он знает? — спросил Низами.

Мурад посмотрел на него внимательно.

— Сейчас — да, — сказал он.

Низами резко поднял голову.

— Как давно? — спросил он.

— С тех пор, как ты появился в Дербенте, — объяснил Мурад. — И начал задавать вопросы.

Низами молчал.

— Он не хотел тебя втягивать, — проговорил Мурад. — Но система не даёт выбора.

— Он встречался со мной, — вспомнил Низами. — Говорил, что беспокоится. Что хочет помочь.

— И он действительно хочет, — сказал Мурад. — Но он также хочет спасти своего отца. И себя.

— И для этого готов предать меня? — спросил Низами.

— Он уже стоит на границе, — произнёс Мурад. — И пока не сделал последний шаг.

Низами закрыл глаза.

— Кто ещё знает об этом? — спросил он.

— Лейла, — ответил Мурад. — И человек из порта.

Низами сжал кулаки.

— Они хотят уничтожить эти документы, — проговорил он.

— Да, — согласился Мурад. — И тебя вместе с ними, если потребуется.

— Почему ты здесь? — спросил Низами.

— Потому что я решил выбрать сторону, — спокойно ответил Мурад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.